

ПОСЛЕДОВАНИЕ ЗАУПОКОЙНОЙ ПАНИХИДЫ В ДРЕВНЕРУССКИХ СЛУЖЕБНИКАХ XIV В.

Михаил С. Желтов
(Москва, Россия)

Древнерусские литургические рукописи студийской эпохи (до конца XIV в.) являются уникальным источником по истории богослужения византийской традиции. Описанная в них практика является отражением некоей особой греческой традиции, поскольку константинопольские чинопоследования дополнены в древнерусских книгах целым рядом неконстантинопольских особенностей (аналогичная – но отнюдь не тождественная – картина представлена в греческих литургических рукописях, происходящих из Южной Италии)¹. При этом с точки зрения содержания древнейшие русские богослужебные книги достаточно вариативны – по мере своего бытования они пополнялись новым материалом и в той или иной мере редактировались. Однако лишь на рубеже XIV–XV вв. древнейшие русские редакции литургических книг были заменены принципиально иными, ориентированными на новые сербские и болгарские переводы XIV в. Все сказанное в полной мере относится к одному из ключевых типов древнерусских богослужебных книг – служебнику. Настоящая статья посвящена небольшому заупокойному последованию, встречающемуся в древнерусских служебниках XIV в. и озаглавленному как „молитвы на понахиде/панафиде“.

Из тридцати шести сохранившихся древнерусских служебников XIII–XIV вв.² двадцать содержат комплексы священнических молитв вечерни и утрени (см. Желтов [в печати]). Более чем в половине случаев эти комплексы сопровождаются еще одним, предназначенным для паннихис (παννυχίς). Паннихис (которую не следует смешивать с заупокойной панихидой) – это, как и вечерня с утреней, одна из служб суточного круга в древнем константинопольском „песенном последовании“. В позднейшей практике она не сохранилась, но ее влияние отражено сразу в нескольких совершаемых донныне чинопоследованиях (общего молебна, повечерия, заупокойной панихиды). Ни сама эта служба, ни ее молитвы не имеют специальной связи с поминовением усопших; в настоящей статье мы их не рассматриваем³.

¹ См. напр.: Пентковский, Йовчева 2001: 31–60; Пентковский, Пентковская 2003: 121–171; Пентковский 2005: 16–26; Желтов 2007: 272–359.

² Полный список см. в работе: Желтов 2007: 281–284, с уточнениями в работе: Желтов 2009: 75–92.

³ Отметим только, что за исключением служебников, другие древнерусские литур-

Однако в пяти служебниках к молитвам паннихис примыкает еще один цикл молитв, однозначно заупокойного характера. Это следующие рукописи:

- РНБ, Q. п. I. 67, ок. 1316 г. Л. 80г–82г.
- РНБ, Соф. 523, втор. пол. XIV в. Л. 74г–77г.
- NYPL, Slav. 1, втор. пол. – третья четв. XIV в. Л. 85v.–88г.
- ГИМ, Щук. 745, втор. пол. XIV в. Л. 96v.–98v.
- РГБ, ф. 247 (Рогож.) 566, XIV в. Л. 59v.–61v.

Этот же цикл заупокойных молитв, но теперь уже вне связи с молитвами ординарной паннихис, выписан в рукописи:

- РГБ, ф. 256 (Рум.) 398, конца (?) XIV в. Л. 181v.–186v.

Во всех перечисленных рукописях название „понахида [РНБ, Q. п. I. 67: панаида]“, т. е. „паннихис“, использовано в составе заглавия этого цикла заупокойных молитв, а не молитв собственно древней паннихис. В РГБ, ф. 256 (Рум.) 398 цикл дополнительно определен как „заупокойная [или: за упокой] понахида“, а в первых пяти списках он просто назван „понахидой“, тогда как выписанные наряду с ним молитвы паннихис обозначены иначе – как молитвы „егда канон/вечерню/молебен поют“ (лишь в NYPL, Slav. 1 молитвы паннихис сохранили свое оригинальное самоназвание, так что в этом списке – сразу две „понахиды“). При этом в тех остальных древнерусских служебниках, где заупокойный цикл отсутствует, „панихида“ – это ординарная паннихис⁴. Любопытный казус, содержащийся в служебнике ГИМ, Син. 598, конца XIV в., где к молитвам ординарной паннихис присоединена ектения из заупокойного последования, следует, на наш взгляд, объяснять именно той двусмысленностью, которая возникла в результате использования для этого последования названия, некогда относившегося к совершенно иной службе.

Содержание заупокойного последования во всех шести его списках, перечисленных выше, сводится к трем священническим молитвам: Г̃н̃ г̃ѣ ѡутѣшнтелю скорбацинмъ..., Бл̃годаримъ та г̃н̃ б̃ѣ нашъ ѡко тебѣ ѡдному... и Бл̃ко г̃н̃ б̃ѣ нашъ ѡдннъ нмѣанъ бесм̃рство...⁵, а также диаконской ектении об усопших. Впрочем, в РНБ, Q. п. I. 67 и РГБ, ф. 256 (Рум.) 398 ектения об усопших отсутствует, зато на ее месте выписана молитва „егда за всѣ умершая“: Поманн г̃н̃ ѡ ѡупѣваннн жзнн вѣчнннѣ Выделяется из общего числа списков также и РНБ, Соф. 523, где три молитвы и ектения сопровождаются несколькими уставными рубриками, достаточно подробно описывающими ход последования.

Греческие оригиналы первых трех молитв были выявлены М. Арранц...

гические книги ничего не знают о паннихис – ее нет ни в часословах (Слива 1999: 91–106), ни в сборниках более широкого состава (Шугаев 1999), ни в студийско-а...

⁴ В качестве конкретного примера можно указать, например, на РНБ, Соф. 518 – единственный из служебников XIII в., где сохранились молитвы суточных служб, – в котором молитвы ординарной (не заупокойной) паннихис надписаны как м̃ѡ ѡ на панахида...

⁵ *Incipita* могут немного варьироваться.

(Arranz 1974–1975: Vol. 40, 333, прим. 1), это молитвы: *Κύριε, Κύριε, ἡ τῶν θλιβομένων παραμυθία ...*, *Εὐχαριστοῦμέν σοι, Κύριε ὁ Θεὸς ἡμῶν, τι σοῦ μόνον τὸ ζῆν ἀθάνατον ...* и *Δέσποτα Χριστὲ ὁ Θεός, ὁ μόνος ἔχων ἀθανασίας ...*, соответственно⁶. Обозначим их как Г1, Г2 и Г3; необходимо сразу отметить, что тексты древнерусских молитв (которые мы обозначим как Р1, Р2 и Р3) достаточно существенно отличаются от них, что будет подробнее прокомментировано ниже. Первая строка молитвы „егда за вся умершая“ совпадает с начальными словами молитвы *Μνήσθητι Κύριε ὁ Θεὸς ἡμῶν τοῦ ἐν πίστει καὶ ἐλπίδι ζωῆς αἰωνίου...*⁷, но в остальном полностью расходится с ней. Молитвы следует датировать временем не позднее X в.⁸ Однако, несмотря на сохранность греческих оригиналов молитв, ни в одной из выявленных рукописей евхология не встречается прямой аналог древнерусского заупокойного последования как единого целого.

В весьма вариативных заупокойных чинах греческих евхологий⁹ молитвы Г1, Г2 и Г3 могут встречаться в различных позициях. Тем не менее, они обладают достаточно стабильными функциями. Г1, как правило, используется в качестве главопреклонной молитвы, прибавляемой к молитве об усопшем миряnine (каковой обычно служит широко известная молитва *Ὁ Θεὸς τῶν πνευμάτων ...* – „Боже духов ...“). Г2 – это молитва, читаемая над усопшим священником или монахом вместо молитвы о миряnine. Г3 – молитва о усопшем монахе. При этом молитва Г1 нередко указана в качестве универсальной главопреклонной молитвы за упокой, прибавляемой не только к молитве о миряnine „Боже духов...“, но и к молитве о священнике, т.е. Г2. Весьма показателен состав классического константинопольского Евхология Paris. Coisl. 213, 1027 г., где приводится следующий набор заупокойных молитв на разные случаи (f. 88v–91r):

- молитва над кадиллом о усопших;
- молитва над скончавшимся миряnineм (= „Боже духов ...“);
- иная молитва над скончавшимся;
- главопреклонная молитва (= Г1);
- молитва над скончавшимся священником (= Г2);
- главопреклонная молитва (= Г1 еще раз);
- молитва над скончавшимся диаконом;
- иная молитва при погребении усопшего;
- молитва при погребении ребенка;
- молитва при погребении монаха (NB: ≠ Г3).

(Christodoulou 1996: Vol. 2, 342–344)

⁶ Тексты молитв см. в рукописи докторской диссертации: Christodoulou 1996: Vol. 2, 24–25, 36–37, 54–55. В 2005 г. работа была опубликована (Χριστοδούλου 2005), но во время подготовки настоящей статьи это издание было нам недоступно.

⁷ Текст: Christodoulou 1996: Vol. 2, 334, 344. Срв.: Arranz 1974–1975: Vol. 40, 334.

⁸ См. перечисление рукописей, содержащих молитвы: Christodoulou 1996: Vol. 1, 400–402.

⁹ См.: Bruni 1972; Christodoulou 1996; Velkovska 1998: 353–363; Velkovska 2000: 345–354; Velkovska 2001: 21–51; Galadza 2004: 225–257.

Практически тот же комплекс молитв содержится и в другом знаменитом евхологии, Athen. gr. 662, XIII в. Аналогичные комплексы встречаются и в других рукописях евхология, а также в грузинских источниках (срв. Кекелидзе 1908).

Что особенно важно для нашей темы, в глаголическом Синайском евхологии (СЕ) XI в. (Sinait. Slav. 37, f. 57r–59r) также содержится подобный комплекс молитв¹⁰:

- молитва „Боже духов ...“;
- молитва *дрѹгѹгаа томоуж<дѣ>: ꙗ́ ꙗ́же нашъ, ѹтѣшенне скръѡащннмъ* (достаточно точный перевод Г1);
- молитва *над ѹмеръшнмъ сваш<ѣ>ннкомъ лн нномъ¹¹ лн прнчѣтннкомъ: вѹко ꙗ́ ꙗ́же нашъ имѡѡ ѣдннъ вѣсмръѡтѡство* (=достаточно точный перевод Г3);
- молитва *томоуждѣ: хвалнмъ та, ꙗ́ ꙗ́же нашъ, вѡже теѡѡ ѣднномѹ жнвѡтѡ вѣсмръѡтенъ естѡ* (=достаточно точный перевод Г2);
- уставные рубрики о порядке совершения отпевания.

На наш взгляд, совершенно очевидно, что именно к этому комплексу и восходит цикл молитв древнерусского заупокойного последования.

Существенным, однако, является то, что в оригинальных греческих евхологиях эти комплексы молитв не образуют цельного самостоятельного последования, но, напротив, должны выборочно использоваться при отпевании усопших в зависимости от их возраста и церковного статуса. В точности та же картина наблюдается и в глаголическом СЕ, тогда как в древнерусских служебниках соответствующие молитвы уже лишены своего изначального предназначения и скомбинированы в автономный чин¹². При этом надписание заключительной молитвы (*егда за вса ѹмршаѡ*), как нам кажется, сохраняет след старых функций этих молитв, поскольку подчеркивает, что только эта молитва посвящена всем вообще умершим, а не только тому или иному классу усопших.

Трансформация цикла молитв при отпевании усопших различного церковного статуса в самостоятельное последование общего поминовения усопших потребовало редактуры текстов молитв. Поэтому Р1, Р2 и Р3 существенно отличаются от Г1, Г2 и Г3. Из Р1 полностью исключен раздел, посвященный описанию скорби близких покойного и молитве о ее облегчении. В Р2, в сравнении с Г2, исключен раздел, содержащий следующие пассажи: указание на то, что почивший „был нашим братом и сослужителем“; моление о том, чтобы Господь „упокоил его в недрах Авраама, Ис-

¹⁰ Публикация текста: Frček 1933: 772 [89] – 778 [92].

¹¹ Т. е. „иноком“; в рукописи: *нномъ*.

¹² Использование молитв, имевшихся в распоряжении у древнерусских книжников, не по их прямому назначению можно сравнить с тем, как в древнерусских Служебниках используются различные альтернативные молитвы чина Божественной литургии: они не заменяют собой те или иные молитвы базового литургийного формуляра, как в греческих источниках, но наделяются совершенно новыми функциями, образуя в формуляре принципиально новые позиции (см. Желтов 2007: 285–290).

аака и Иакова и поставил его Своим [служителем] в Своем пренебесном жертвеннике, поскольку и на земле он был служителем в церкви, – чтобы, [сначала] удостоив его духовного сана перед людьми, [теперь] Он беспрепятственно принял его перед ангелами славы Своей“; и прошение о том, чтобы „исход его жизни был расценен как вход святых Твоих [очевидная отсылка к тексту Божественной литургии], а дух его был включен в число всех праведников от века Тебе [Богу] благоугодивших“. Все эти пассажи указывают на то, что почивший был священником, и их наличие, собственно, и превращало Г2 в моление о почившем священнике. Напротив, исключение этих пассажей наделило Р2 универсальным характером. Впрочем, редактуру молитвы нельзя назвать полной: в Р2 сохранились слова о „духовной чести“, т.е. священном сане усопшего, явно не понятые редактором, который отнес их, во-первых, ко всем вообще почившим, а во-вторых, к некоему духовному качеству, высоко оцениваемому не только людьми, но и ангелами: оукраш на дхвную чтью предъ англъ и члвкы (тогда как в логике Г2 сан почившего в земной церкви служил лишь основанием для прошения о его допуске к ангельскому служению). Кроме того, фрагмент третьего из опущенных в Р2 пассажей, который изначально строился на противопоставлении „исход – вход“, был перемещен в Р1: вправдан въ входъ дша нхъ съ оугожышнм рабы тн. Ниже приведены параллельные тексты молитв Г1 и Г2 в версии глаголического СЕ (л. 57v.–58v.) и Р1 и Р2 согласно служебнику РНБ, Q. п. I. 67 (л. 80г–81г; фрагмент Г2, перенесенный в Р1, выделен полужирным шрифтом):

Синайский глаголический Евхологий	Служебник РНБ, Q. п. I. 67
<p>Г҃Ѣ Б҃ЖЕ НАШЪ ОУТѢШЕННЕ СКРЪБАЩИННМЪ ПЛАЧУЩИННМЪ СѦ ОУВѢТЬ Б҃СЪМЪ ОУНЫВАЩИННМЪ ЗАСТЖПЛЕННЕ СЫ ОУДРЪЖИМЪНА НЫНѢ СКРЪБЕНІЖ ОУМЕРЪШААГО РАДН ТВОИМЪ МЛДНЕМЪ ОУТѢШН ВСІЖ БОЛѢЗНЬ СКРЪБН ЛЕЖАЩАНА ВЪ СРЦН ІХЪ ШЦѢАН</p> <p>РАБА ТВОЕГО ОУСОПЪШААГО ОУПЪВАНЪН ВЪСКРЪЩЕННѢ</p> <p>ЛОУѢ АВРАМАН ПОКОН. ТЫ БО ЕСН ПОКОН РАБОУ ТВОЕМОУ Х҃Е Б҃ЖЕ НАШЪ І ТѢВЪ СЛАВЖ ВЪСЫЛА ❖</p>	<p>Г҃Н Г҃Н ОУТѢШНТЕЛОУ СКРЪБАЩИННМЪ Н ПЛАЧУЩИННА ОУВѢТЬ Н МАЛОДШЬНЫМЪ ПОМОЩНИКЪ</p> <p>ВЪЗЫУНЫМЪ ТН МЛДНІЕМЪ Покон Г҃Н Дша рабъ своихъ оусъпшихъ ТѢКЪ Ѡ оупъваннн въскрѣщеннѣ н жнзнн вѣчннѣ подаа Ѡпоустъ прѣгрѣшеннѣмъ нхъ н на стое въскрѣсеннѣ твоѣ неусъуженью въ твою славоу прннмн іа н Ѡправдан въ входъ дша нхъ съ оугожышнм рабы тн</p> <p>Іако тѣ іесн въскрѣшеннѣ н покон оус ❖ ❖</p>

Хвалѣмъ тѣ ꙗко бже нашъ
 ѣкоже тебѣ единому животъ бесмртенъ естъ
 ꙗ слава непостыжна
 ꙗ мноасть бещислава
 ꙗ ѣколюбне неиздреченно
 ꙗ црство нному неоставнмо
 ꙗ несть отъ тебе на лица зрѣннѣ
 всѣмъ бо ѣкомъ обшннж оучинна. еси рокоу
 жнтнѣ съконьуавшю са.
 тѣмъже молнмъ ти са ꙗ
 раба твоего сего
 брата нашего ꙗ служителя съ нами бывша
 оуснжвша въ оупванн жзнн вскршеннѣ
 на лонѣ авраман, саковѣ, ꙗкован покон

ꙗ ꙗко на земн въ цр кен твоен служж оустрона
 н бѣ
 [здесь пропущена строка греческого
 текста: οὕτως καὶ ἐν τῷ ἐπουρανίῳ σου
 θυσιαστρίῳ ἀνάδειξον, Κύριε – ‘так и в
 пренебесном Твоем жертвеннике поставь,
 Господи’].

првдъ дѣла же твоя слава неосжженна
 прннмн
 ты н на земн животъ его оупрославна
 еси [эта строка соответствует греческой
 фразе ἐπὶ ἀνθρώπων πνευματικῆ ἀξίᾳ
 κατακοσμήσας – ‘пред людьми Ты облек
 его духовной честью’, которая стоит до
 строки ἐπὶ ἀγγέλων ... – првдъ дѣла же ...],
 ты нсходъ живота его **въ въходъ** стыхъ твоихъ
впрвддан
 дхъ его ꙗ прнчтн н съ всѣмн **стымн твоимн**
оугождшнмн отъ вѣка
 ꙗ. ꙗко ты еси покон равоу твоемоу бже нашъ ꙗ
 тебѣ слава въсылае ✠

Блгодарнмъ тѣ ꙗко ꙗко ѣколюбче
 ꙗко тебѣ единому животъ бесмртенъ естъ
 ꙗ слава непостыжна
 ꙗ млтѣ бещислава
 ꙗ ѣколюбне неиздреченно
 ꙗ црствне неконьуаемо
 ꙗ неъ оу тебе на <ан>це зрѣннѣ ннкомуже
 всѣмъ бо ѣкомъ ѡбщѣ оустрона. еси рокоу
 жнтню ꙗ коньуавшю са

ꙗко блгъ н ѣколюбче покон дша рабъ своихъ
 нмк презрѣвъ всакое нхъ прегршенне волное
 же н неволное

н оукрасн ꙗ дхвноу утѣю
 прѣ англы

н ѣко
 н спден ꙗ прнвѣщнтнса
 въунѣ твоихъ блгъ
 млтвамн стина бца
 ꙗко ты еси вскршнне ✠

Молитва Р3 также отличается от Г3 в версии глаголического СЕ, хотя и не в такой степени, как Р1 и Р2.

Таким образом, цикл заупокойных молитв древнерусских служебников был переведен не позднее X в. болгарскими книжниками для того, чтобы использоваться в качестве дополнения к молитве „Боже духов ...“ – как и в греческих евхологиях той же эпохи. Впоследствии, однако, этот цикл был переосмыслен как самостоятельное последование, заглавия молитв (кроме молитвы „егда за вся усопшая“) – утрачены, а их тексты – существенно переработаны. Редактура цикла молитв и их трансформация в самостоятель-

ное последование произошли не позднее рубежа XIII–XIV вв., что следует из датировки древнейшего сохранившегося списка этого последования, РНБ, Q. п. I. 67.

Имеются некоторые данные в пользу того, что редакция молитв и создание рассматриваемого заупокойного последования состоялись в Сербии. На это может указывать факт вокализации редуцированного Ъ в сочетании вхѡдъ дша нхъ в заключительной части P1, засвидетельствованный в большинстве списков. Этот сербизм мог сохраниться в служебниках – вопреки несомненному следованию текстов молитв древнерусской норме – из-за того, что указанное чтение можно воспринять как единственное дистрибутивное¹³. Кроме того, обозначение заупокойного последования как „понахиды“ может указывать на влияние евергетидского типикона. Именно в евергетидском типиконе впервые появляется термин ‘заупокойная панихида’, который, впрочем, обозначает здесь не некое специфическое последование, а обычную панихис, но с заупокойным канонем, который должен был исполняться в определенные дни вместо канона Богородицы или праздника (Желтов 2008: 139–143). Этот же термин затем встречается в византийских типиконах XII в., зависящих от евергетидского, – например, в типиконах монастырей Иоанна Предтечи τοῦ Φοῦροῦ и Божией Матери Κεχαρίτομένη. Влияние Евергетидского типикона на сербскую литургическую традицию XIII в. общеизвестно. При этом для греческой традиции в целом нельзя назвать характерным использование термина „панихида“ применительно к последованию поминовения усопших вне контекста отпевания: обычно это последование, появляющееся в рукописях с XIII–XIV вв., обозначается как „Последование о усопших над коливом“, „Последование поминовения усопших“ – и т.п.¹⁴. Напротив, в славянской (а также в сравнительно поздней грузинской – срв. Кекелидзе 1908: 118) традиции „панихида“ – обычное название для этого чина. Впрочем, оба указанных аргумента не слишком сильны, так что нельзя исключать и возможность того, что редакция молитв и создание рассматриваемого последования были выполнены на Руси.

Причины, приведшие к выделению молитв в самостоятельный чин, неясны, но можно предположить, что их следует искать, во-первых, в том, что в XIII в. славянская книжность знакомится с полными чинами отпеваний (так, они присутствуют в требнике конца XIII в. РНБ, О. п. I. 14 и греко-славянском палимпсесте со славянским слоем XIII в. РНБ, Греч. 70), а во-вторых, в том, что тогда же среди славян начинает распространяться и самостоятельное поминальное последование, сконцентрированное вокруг гимнографического канона (т.е. панихида в современном смысле этого сло-

¹³ Мы благодарим Романа Николаевича Кривко за ценные консультации.

¹⁴ Срв.: Дмитриевский 1901: 327, *passim*. Следует отметить, что история этого последования, т.е. заупокойной панихиды, в научной литературе до сих пор не описана (если не считать нескольких кратких замечаний в статье М. Арранца: Arranz 1974–1975).

АНГЛЫ Н ЯВКЪ . Н СПОДОВН ІА ПРНУАСТНІО ВЪУНЫХЪ БАГЪ . ІАКО ТЫ ІЕСН ЖН ✽

ВЛКО ГН БЕ НАШЕ НМЪІАН ІЕДННЪ ВЕСМРТЬСТВО . ЖНВІІН ВЪ СВѢТѢ НЕПРЕСТУПНѢ . ОУМЪРЬЦВАІА Н ОЖНВАІА . ННЗВОДА Н ВЗВОДА СВОЕІО МУДРОСТНО . ВЪ ЗЕМЛА СЪЗДАВШІН ЯВКА . Н ПАКЪ ВЪ ЗЕМЛЮ ВЪЗВРАТИТИСА ПОВЕЛѢ [л. 76r] ВЪ . ВЪ ВТОРОЕ СТРАШНОЕ СВОЕ ПРНШЕСТВІЕ . ВЪ ДША ІЕГО ХОТАН СТАЗАТИ ДОЛГЪ ІЕГО . ТЕМЖЕ МОЛН ТА ВСЕМОГУЩАГО ВЛКУ . ПОКОІ ГН ДШЮ ОУСОПШНХЪ РАВЪ СВОИХЪ . ІМ . СЪ НЗВАНЪМН ТВОИМН . ПОДАЖЪ НМЪ БАТНОЕ ВЪЗДАНИЕ . ВЪ ЖНЛЦНХЪ СТХЪ ТВОИХЪ ✽ ПО . ВЪЗГ .

МНРОМЪ Г помолнмс .

О СВЪШНЕМЪ МНРѢ О[sic]

О ПРНСОПОМНАМЪ [л. 76v] МЪ РАВЪ БНІ . ІМ .

О ОУСПЕНІН ПОКОІА ТНШННЪ . ВЛЖНІА ПАМАТИ ІЕГО Г помолн ✽

ІАКО ДА ГЪ БЪ НА . ОУНННТЪ ДХЪ ІЕГО НА МѢСТѢ СВѢТАѢ . НДЕЖЕ ВСН ПРАВЕДННІ ПОНВАЮТЬ Г П ✽

О ВПУЩЕНІН ІЕМУ ВСАКОГО ПРЕГЪШЕНІА ВОЛНАГО Н НЕВОЛНАГО Г пом .

О НЕОСУЖЕНУ ІЕМУ ПРЕДЪСТАТИ ОУ ПРТАА ХВА Г ✽

О НЗВАВТИС ІЕМУ В ✽

ЗАСТУПН СПСН ПОМН .

[л. 77r] МЛТЪ БНЮ Н ЦРТВО НЕНОЕ Н ВПУЩЕНІЕ ГРѢХОВЪ СВЪШЕ НСПРОШЪШЕ ОУ ХА САМН СЕБЕ Н ДРУГЪ ЗА ДРУГА ✽

ПО . ВЪЗГ . ІАКО ТЫ ІЕСН ЖНВОТЪ ПОКОІ ВЪСКРШЕ

Н ПОЮ . АЛЪЛУНА . Г .

ТРЕ ГАУБННА МУДРОСТ .

Н ВЦІ ТА ГРА Н СТАННЦ ✽

ТА ВЛЖНН НЕПОРО . [= Пс. 118]

ТА . ПАКЪ ПАКЪ МНР .

О ПРНПАМ .

МЛТЪ БНЮ Н ЦРТВО НЕН .

ПО . ІАКО ТЫ ІЕСН ЖН .

ТА . ПОМНАУ . МА БЕ . [= Пс. 50]

ТА . КАНУ .

ПО . С . ПѢ . ПАКЪ ПАКЪ

РНБ, Q. п. I. 67, л. 81v.–82r

[л. 81v.] МО . ЕГДА ЗА ВСА ОУМРШАТА

ПОМАНН ГН ВЪ ОУПЪВАННН ВЪСКРЪСЕНННА ЖНЗНН ВЪУНЫНА ОУСЪПШАТА ВСА ПРАВОВЪРЪННА . ЦРА НАША Н КНАЗА . ІМК . Н АРХІЕПЪПЫ Н ІЕПЪПЫ НМК . Н ВСА СРОДННЪКЪ

НАША ПО ПЛЪТН ОЦА [л. 82r] Н БРАЮ НАШЮ · Н ВСА ПРАВОТВЪРЪНЪНА КРЪТЪНАНЪ · ІМК · ОУМРШАНА ВЪ ГРАДЪХЪ Н В СЕЛЪХЪ Н В ПОУСТЫНАХЪ · Н НА ПОУТЕХЪ Н НА МОРН · Н НА ВСАКОМЪ МЪСТЪ · УЪРНЪ ЖЕ Н УЪРННЦА · ОУНЪНА Н СТАРЪНА Н МЛАДЪНА ДЪТН · ПОКОН НА МЛЪТВЕ НА МЪСТЪ СВЪТЛЪ · ВЪ УННОУ СЪТЪ · ВЪ УГРАДЪ БЛАГО РАТА · ВЪ БЕСКОНУЪНЪН ЖИЗНН · Н НЕНЪГЛАНЪМЪ ЦРЪТВНН · Н ВЪ НЕМЪРЦАЮЩЕМЪ СВЪТЪ АНЦА ТВОЕГО · ІАКО ТЪ ІЕСН ВСКРЪННЕ · Н ЖИВОТЪ Н ПОКОН · РАБОМЪ СВОИМЪ ХЪ БЪ · Н ТЪБЪ СЛАВОУ ВСЪ ·:

Библиография

- Дмитриевский 1901: Дмитриевский, А. А. *Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока*. Т. 2. *Εὐχολόγια*. Киев, 1901.
- Желтов [в печати]: Желтов, свящ. М. „Священнические молитвы вечерни, утрени и паннихис в древнерусских Служебниках студийской эпохи“ [в печати].
- Желтов 2007: Желтов, М., диак. „Чин Божественной литургии в древнейших (XI–XIV вв.) славянских Служебниках“. // *Богословские труды*, 41, 2007, 272–359.
- Желтов 2008: Желтов, диак. М. „Евергетидский Типикон“. // В: *Православная энциклопедия*. Т. 17. М., 2008, 139–143.
- Желтов 2009: Желтов, М. „Молитвы во время причащения священнослужителей в древнерусских Служебниках XIII–XIV в.“. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 35, 2009, 75–92.
- Кекелидзе 1908: Кекелидзе, прот. К. *Литургические грузинские памятники в отечественных книгохранилищах и их научное значение*. Тифлис, 1908.
- Пентковский 2001: Пентковский, А. М. *Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси*. М. 2001.
- Пентковский 2005: Пентковский, А. М. „Славянское богослужение и славянская гимнография византийского обряда в X веке“. // In: *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit*. Hrsg. von H. Rothe D. Christians. Paderborn–München–Wien–Zürich, 2005, 16–26.
- Пентковский, Йовчева 2001: Пентковский, А., М. Йовчева. „Праздничные и воскресные блаженны в византийском и славянском богослужении VIII–XIII вв.“. // *Palaeobulgarica* 15, 2001, 3, 31–60.
- Пентковский, Пентковская 2003: Пентковский, А. М., Т. В. Пентковская. „Синайский Апостол (Sin. slav. 39): История текста и история рукописи“. // В: *Лингвистическое источниковедение и история русского языка, 2002–2003*. М., 2003, 121–171.
- Слива 1999: Слива, Е. Э. „Часословы студийской традиции в славянских списках XIII–XV веков: Классификация по особенностям состава“. // *Труды отдела древнерусской литературы*, 51, 1999, 91–106.
- Шугаев 1999: Шугаев, свящ. И. *Древнерусские богослужебные сборники XIV в.: Историко-литургический анализ*. [Неизданная кандидатская диссертация.] Сергиев Посад, 1999.
- Χριστοδούλου 2005: Χριστοδούλου, прот. Θ. *Ἡ νεκρώσιμη ἀκολουθία κατὰ τοὺς χειρογράφους κώδικες 10ου – 12ου αἰῶνος*. Т. 1–2. Ἀθήναι, 2005.

- Arranz 1974–1975: Arranz, M. „Les prières presbytérales de la ‘Pannychis’ de l’ancien Euchologe byzantin et la ‘Panikhida’ des défunts“. // *Orientalia Christiana Periodica*, 40, 1974, 314–343; 41, 1975, 119–139.
- Bruni 1972: Bruni, V. *I funerali di un sacerdote nel rito bizantino secondo gli eucologi manoscritti di lingua greca*. (Pubblicazioni dello Studium Biblicum Franciscanum, Collectio Minor, 14). Jerusalem, 1972.
- Christodoulou 1996: Christodoulou, Th. *L’ufficio funebre nei manoscritti greci dei secoli X–XII*. [Рукопись докторской диссертации.] Roma, 1996.
- Frček 1933: Frček J. *Euchologium Sinaiticum: Texte slave avec sources grecques et traduction française*. (Patrologia Orientalis, 24, 5). Paris, 1933.
- Galadza 2004: Galadza, P. „The Evolution of Funerals for Monks in the Byzantine Realm: From the Tenth to the Sixteenth Century“. // *Orientalia Christiana Periodica*, 70, 2004, 225–257.
- Velkovska 1998: Velkovska, E. „Funerali in Oriente“. // In: *Scientia liturgica. Manuale di liturgia*. Vol. 4. *Sacramenti e Sacramentali*. Casale Monferrato, 1998, 353–363.
- Velkovska 2000: Velkovska, E. „Funeral Rites in the East“. // In: *Handbook for Liturgical Studies*. Vol. 4. *Sacraments and Sacramentals*. Collegeville (Minnesota), 2000, 345–354.
- Velkovska 2001: Velkovska, E. „Funeral Rites according to the Byzantine Liturgical Sources“. // *Dumbarton Oaks Papers*, 55, 2001, 21–51.

Michael Želtov

**The Rite of *Ponakhida* of the Departed
in the Old-Russian Euchologies
(Summary)**

The article is devoted to the rite of commemoration of the departed, found in a number of the 14th-century Russian Euchology manuscripts, and entitled as *Ponakhida* (from the Greek Παννυχίς). This rite is not to be confused with a rite with the same name contained in the Byzantine cycle of daily offices, nor is it identical in every detail to the commemorative service of the later sources, which in the Slavonic usage is called *Panikhida*. As distinct from the latter, which contains only one priestly prayer, the rite we find in Old-Russian euchologies has several prayers for the departed. The article proves that this rite stems from a series of separate prayers designated for funerals of departed of various church status and translated into Slavonic in the 10th century. After the appearance of developed funeral rites among the Slavs in the 13th century, these prayers became obsolete and were re-delegated into an independent rite of general commemoration. The full text of the rite according to the Old-Russian euchologies is published in the article.